

Дж. Ньюбергер (США)

**Власть слова:
Рабочие против хозяев в мировых судах ¹**

Пятнадцать лет тому назад, когда я впервые обратила внимание на то, что русские рабочие подавали иски в мировые суды царского правительства, чтобы разрешить их с официальной санкции государственной власти, многим моим коллегам мои замечания показались малозначительными и уводящими в сторону от обсуждения более серьезных вопросов. Что же побуждало рабочих вместо протеста обращаться к государственной власти, тем самым унижая свое дело? Зачем им было нужно прибегать к слову, в то время как у них была возможность ответить действием? Что ценного мы можем вынести из их свидетельств и опыта?

Сегодня историки труда обращают свое внимание не только на авангард, но и на городских бедняков вообще и на быт рабочих, не связанный ни с работой, ни с общественной деятельностью. Историки вообще откликнулись на вызов со стороны методов и подходов культурной антропологии, феминистской теории, литературной критики и культурологии. Сейчас для историков труда открыта возможность обсуждать опыт рабочих в более широком социальном и культурном контексте и ставить самые разные вопросы. Реджинальд Зельник, например, показал, что широко принятая в науке парадигма «от крестьянина к рабочему» противоречит опыту многих авангардных радикальных рабочих. Чартерс Уинн продемонстрировал, что забастовочная деятельность часто прямо переходила в антисемитское и антирадикальное насилие. В моей собственной работе, посвященной забастовочной активности в 1914 году, я обратила внимание на тот любопытный факт, что феномен, который в течение долгого времени рассматривался в качестве радикальной политической деятельности, в действительности часто трудно отличить от аполитичного антисоциального насилия и культурного конфликта ². Вопрос о том, почему в России произошла рабочая революция, несомненно будет продолжать занимать историков более, чем другие вопросы, но отвечая на него, нам надо иметь в виду проти-

воречия в поведении и заявлениях рабочих, с одной стороны, и аморфность социальных категорий, в которых мы их обсуждаем, с другой. Прежде чем мы начинаем обсуждать рабочих в качестве рабочего класса, мы должны изучить их в системе тех взаимоотношений, которые у них сложились вне фабрики, в тех сферах или мирах, через которые они прошли. В настоящей работе я хотела бы показать, что основы сознания рабочего класса формировались не только в чисто трудовой сфере, но и во всех тех областях, которые предполагали вовлеченность рабочих в публичную сферу. Своим поведением и выступлениями они поставили себя на порог гражданского общества, с одной стороны, а с другой, бросили вызов сложившимся социальным представлениям об иерархии и идентичности. Даже в ситуациях, которые по идее должны были благоприятствовать государственной власти (ситуация судебного заседания), рабочие непрерывно развивали самостоятельные концепции социальной организации, легитимного поведения и правопорядка.

Мировой суд был ключевым участком для такого рода столкновений. Учрежденный в 1864 году для решения мелких гражданских и уголовных исков, он также имел своей изначальной целью «учить закону народ». Тяжущиеся как в гражданском, так и в уголовном деле представляли своими словами свою историю непосредственно мировому суду. Такой неформальный подход имел своей целью завоевать доверие народа, сделать мирового судью доступным людям неграмотным в прямом и правовом смысле и в конечном счете способствовать внедрению правосознания через распространение правовых принципов, что, как считалось, будет благоприятствовать переходу от обычного права к закону. В этой связи мировому судье обеспечивались широкие полномочия в толковании конкретных случаев. Примирение на основе особых обстоятельств дела или местных обычаев должно было стать основной формой судебного решения. Мировые судьи должны были «постановить решение» на основе закона только в том случае, если предварительные попытки к примирению окажутся безуспешными³. В результате этой специфической комбинации дидактизма, патернализма, веры в обычное право и желания реформаторов ввести народ в рамки общества мировые суды дали народу уникальную публичную трибуну для выражения его взглядов, которая должна была способствовать исправлению социальных и экономических несправедливостей. Рассказы рабочих, составленные для представления своих дел в суде, интересны в двух смыслах: с одной стороны, слова рабочих раскрывают формирование их позиции в отношении к государственной власти и обществу, с другой, они проясняют процесс самоопределения и самоутверждения рабочих. Суд немедленно превратился в ту арену, где

рабочие (и другие представители социальных низов) могли отстаивать свою позицию публично, утверждать ее и конституировать свою публичную идентичность. Исследование языка людей труда отнюдь не исключает ни активности самих агентов действия, ни социального радикализма, чего опасались некоторые марксистские социальные историки. Если с точки зрения таких теоретиков, как Маркс и Фуко, деятельность рабочих ассоциируется прежде всего с мольбой и угнетением, такое исследование способствовало бы более полному раскрытию сферы деятельности рабочих и пониманию реального содержания их активности в ее полноте.

В конечном счете мировые суды привлекали многих рабочих, жизнь которых была скрыта от истории, поскольку они работали по найму не на фабриках и заводах, а в мастерских, магазинах, частных домах и на улицах в качестве ремесленников и их учеников, трубочистов, строительных и железнодорожных рабочих, прислуги, вожатых трамваев и кучеров конок. Действия таких рабочих в суде свидетельствуют о том, что несмотря на множество различий в их «отношении к средствам производства» и несмотря на очевидное отсутствие классового сознания, у этой группы рабочих было много общего в ценностных ориентациях и позиции с фабричными и квалифицированными рабочими.

Ускорение процессов урбанизации, коммерциализации жизни и индустриализации, которые вызвали потребность в регулировании взаимодействий и посреднической деятельности между интересами хозяев и наемных рабочих, а также рост числа мелких преступлений стали решающими факторами в изначальных размышлениях реформаторов о необходимости новых юридических институтов⁴. В редких случаях, когда историки ставили вопрос о проведении в жизнь юридических реформ в России, они интересовались скорее влиянием их на сельское общество и крестьянское население, чем на городское население и городские суды⁵. Но в то время как мировой суд стал катастрофой в деревне, новые суды очень быстро пустили корни в экономической, социальной и культурной жизни российских городов. Здесь они имели наибольший успех, и подавляющее большинство судебных дел в послереформенный период заслушивалось в городских судах. Значительный процент этих случаев был связан с наемными рабочими.

К сожалению, статистика мировых судов не содержит указаний ни на занятия ответчиков и тяжущихся, ни на характер обвинений. Таким образом, невозможно оценить точно количество дел, в которые рабочие были вовлечены в качестве истцов или ответчиков⁶. С другой стороны, рабочие занимают видное место в литературе о мировых судах. Только весьма небольшое число репрезентативных дел из записей, сохранив-

шихся в местных архивах, могут быть приведены в данной работе. Эти дела являются достаточным основанием для исследования путей, которыми рабочие представляли себя и свои дела в суде, для определения того, какое к ним складывалось отношение и как их изображали затем перед широкой читательской аудиторией. Все это составляло живую часть того опыта, на основе которого складывалась идентичность рабочих и идея легитимности апелляции к власти как на рабочем месте, с и на политической арене.

Споры по поводу договоров

Споры по поводу договоров были наиболее распространенным случаем трудовых споров, выносившихся на обсуждение мировых судов. Особо типичный случай – споры между сезонными рабочими и их работодателями. Эти случаи продемонстрировали, по крайней мере для некоторых рабочих, возможность разрешения проблем, которые они связывали с несправедливой трудовой практикой. Такие случаи послужили проверкой способности мировых судей к интерпретации доказательств (и прежде всего – умения их найти) и к оценке свидетельств, представляемых заинтересованными сторонами. В первые пореформенные десятилетия подрядчики городских предприятий обычно ездили по деревням, записывая рабочих на сезон, который мог продолжаться от трех-четырех до восьми месяцев⁷. Хотя в некоторых случаях рабочие получали часть своей платы заранее, обычно их труд оплачивался по окончании периода работ единовременной крупной выплатой. Трудовые подрядчики прибегали ко всевозможным хитростям для того, чтобы эксплуатировать и обсчитывать рабочих. С другой стороны, сами работодатели жаловались на то, что их рабочие часто уходят назад в свою деревню до срока истечения своего контракта. Не удивительно, что проблема возникала тогда, когда рабочие хотели оставить работу до конца оговоренного в контракте срока или когда работодатели не выполняли обязательств по выплатам.

Один из Санкт-Петербургских мировых судей 1860-х гг. П.М. Майков с гордостью приводил следующий случай в качестве эффективности нового суда как дающего доступное посредничество для рабочих и удовлетворительно разрешающего споры. Однажды толпа рабочих появилась в судебном заведении Майкова, отказываясь работать и требуя возвращения им их паспортов и расчета за сделанную работу. «Очевидно, что что-то было не так», – замечал Майков. Но когда он попросил подрядчика изложить его позицию в деле, он услышал, что рабочие бросили работу до истечения срока, на который они были наняты. Когда он обратился к рабочим, он услышал только «шум». Майков попро-

сил рабочих выбрать несколько представителей для того, чтобы представлять это дело, но они все еще не могли прояснить ситуацию. Тогда мировой судья начал задавать прямые вопросы, которые требовали по крайней мере ясного и честного ответа. Рабочие не оспаривали версию подрядчика, но настаивали на дополнительной оплате, ссылаясь на то, что летняя оплата, предложенная вновь нанятым рабочим, была выше той, что им предложили весной. Подрядчик отказал им, и рабочая «забастовка» привела их в суд. Здесь Майков применил свои посреднические таланты: он убедил подрядчика в необходимости осознать тот факт, что если рабочие бросят работу, ему в любом случае придется нанять новых рабочих за более высокую плату; он также убедил рабочих в том, что они нуждаются в этой работе и что в середине лета крайне сложно найти другую работу. Пятирублевой надбавкой финансовый компромисс был достигнут. Но когда обе стороны уже готовы были подписаться под новыми условиями, рабочие вдруг вспомнили о потере двухдневного заработка в результате спора. Майков убедил их удовлетвориться половиной их обычного заработка в эти дни. И «с некоторым удовлетворением» мировой судья составил соглашение, которое согласились подписать обе стороны⁸.

В этом деле рабочие проявили примечательную настойчивость перед лицом неравного противника и готовность довериться непонятной и загадочной процедуре судопроизводства. Можно назвать три фактора, которые помогли им в этом: обе стороны собирались победить через переговоры и компромисс; они подписали договорное свидетельство; мировой судья проявил симпатию к их делу и стремился употребить свои посреднические способности. Такая группа факторов была довольно редкой. Более типичными были случаи подобные тому, о котором рассказывал одесский журналист Ванич, который опубликовал ряд жульнических схем, используемых несколькими трудовыми подрядчиками. В Одессе было обычным делом, что работодатели повторно обманывали рабочих на основе устных контрактов. Ванич заключил свой обзор трудовых дел следующими словами: «А ведь кому не известно... что ловкому человеку можно построить многоэтажный дом, не уплатив рабочим ни копейки». Группа из сорока рабочих трудилась в течение недели и в субботу получила 100 рублей вместо обещанных 600 или 700. Они, естественно, бросили работу и обратились с этим делом в суд, но, по словам Ванича, без соответствующих документов у них не было надежды на разрешение проблемы в их пользу. Тем временем их работодатели могли нанять новых рабочих и сделать с ними то же самое. Пятьсот тяжб могут быть вынесены на обсуждение мирового суда, но строительство здания будет продолжаться и в конечном счете завершится⁹. Ва-

нич также раскрывает деятельность подрядчика по имени Михайлов, который неоднократно обвинялся рабочими в суде в обмане. В одном из случаев рабочие, которые уже выполнили свои трудовые договора, оставались в городе в ноябре и в декабре, ожидая, когда Михайлов заплатит им. Михайлов отвечал в свою защиту, что, хотя рабочие и показывались на работе все дни, пока продолжался контракт, он вправе вычитать из их оплаты за опоздания, за перекуры, за каждую минуту, проведенную в плевании и сморкании. Мировой судья отверг аргументы Ванича и принял решение в пользу рабочих в этом деле. Но Ванич в своем обобщающем заключении подчеркивает, что решающим моментом в вынесении решения в пользу рабочих мировым судьей было то, что в данном случае имелся письменный договор с хозяином. У большинства же рабочих его не было. Ведь большинство рабочих, дела которых разбирались, по моим источникам, не могли прочесть ни своих контрактов, если они у них были, ни других значимых документов, связанных с работой и представляемых в качестве свидетельств в суды. В некоторых случаях хозяин также был не в состоянии читать. Это несомненно делало сбор документов делом непростым и ненадежным и усложняло работу мировых судов.

Дело 1867 года, заслушанное А.А. Лопухиным, одним из наиболее выдающихся мировых судей, было связано с конфликтом мастера цеха и матери его ученика. Сапожных дел мастер Богданов жаловался в суд на Осипову за то, что она забрала из мастерской своего сына, отданного ему в обучение, и нарушила тем самым их договор. Он хотел, чтобы парень вернулся на работу и хотел получить компенсацию за производственные убытки. Осипова отказалась вернуть мальчика, утверждая, что тот не только его бьет, но что он также не смог его ничему научить. Решение мирового судьи было обосновано ссылкой на условия подписанного Осиповой договора, согласно которому мальчик должен работать у Богданова пять лет, начиная с 1865 года. Осипова же отказалась от договора, ссылаясь на то, что Богданов мог написать все что угодно, так как она неграмотная. На основе этого отвода мировой судья предложил компромисс, по которому мальчик возвращается в мастерскую, а Богданов прекращает его избивать (на этом месте присутствовавшая в зале публика разразилась смехом). Осипова соглашалась на это только в том случае, если оплата по возвращении возрастет, но судья повторил, что он не может изменить условия договора. «Закон для всех один, — сказал он, — и никто не может отговариваться незнанием закона». Он также сказал, что если она не примет компромиссный вариант, он может декретировать решение. Она сопротивлялась, настаивая на деньгах. Тогда он огласил решение, которое повторило

компромиссный вариант: Осипова должна вернуть сына в мастерскую на условиях подписанного договора¹⁰.

В этом случае мировой судья Лопухин выразил противоречивое отношение к письменному свидетельству, которое было характерно в то время для практики мировых судов. С одной стороны, мировой судья имел право принимать решение или на основе индивидуальных обстоятельств дела, или на основе «внутренних убеждений» и собственной совести в случае отсутствия достаточных прямых улик и доказательств¹¹. Но с другой стороны, Лопухин не предпринял никаких усилий для того, чтобы выяснить, была ли Осипова действительно обманута, когда она подписывала контракт, — то есть были ли прецеденты одурачивания неграмотных родителей своих учеников со стороны Богданова — или, быть может, имели место какие-то другие смягчающие обстоятельства, которые могли бы сделать урегулирование конфликта более похожим на настоящие переговоры.

Вопрос о доказательствах был спорным и трудноразрешимым для мировых судей, и они подходили к нему с разных точек зрения. Хотя они и должны были обращаться к своим «внутренним убеждениям», многие мировые судьи в Санкт-Петербурге, Москве, Одессе, Харькове и Казани (эти города я использую в качестве моделей) отказывались даже заслушивать дела, в которых не было никаких доказательств. Это особенно относится к тем трудовым спорам, где закон требовал, чтобы трудовая книжка находилась на руках у каждого работника (с записью времени работы, зарплаты, ее повышения, штрафов и «нарушений ремесленного устава»). В суде Ф.О. Свешникова в Пятницком районе Москвы рабочим был объявлен выговор за появление в суде без трудовых книжек: «Я и хозяину вашему, и другим хозяевам, да и вам, кажется, сколько говорил, — вы ведь, сколько я помню, у меня разбирались, — что без книжек я жалобы не принимаю: зачем же вы без книжки опять с жалобами пришли?»¹² Мировой судья Г.Я. Титов, тоже из Москвы (городской участок), заявил: «Если бы у вас была книжка, разбирательства этого не было бы»¹³.

С другой стороны, обладание книжкой не давало гарантий ни явно-го доказательства, ни справедливого решения дела, так как большинство рабочих, подобно Осиповой, утверждали, что их начальники записывали в трудовые книжки то, что им вздумается, сознавая, что неграмотность рабочих не позволит им в этом разобраться. Было ли это уловкой? (Это напоминает хитрых крестьян Бездны и Чигрина, которые использовали свою «наивную» веру в царя для того, чтобы смягчить свои приговоры за восстание 1861 года)¹⁴. Если это и была хитрость, то мировые судьи особо не старались ее выявить. Ведь боль-

шинство из них вели себя так, как будто они думали, что рабочие стараются их обмануть. В Москве мировой судья В.А. Вердеревский дошел до того, что просто проигнорировал свидетельство трудовой книжки. Когда один хозяин отказался вернуть паспорт рабочему после того как работа была выполнена, рабочий подал на него в суд.

Вердеревский допросил начальника:

Судья: Нужен он у вас в заведении?

Ответчик: Да как же не нужен. Теперь время бойкое; вот через месяц отпустить можно.

Судья (истцу): Вот видите, хозяин не соглашается вас отпустить.

Истец: Да я уже один месяц прожил.

Судья: Ну и другой можно ¹⁵.

Вообще говоря, городские мировые суды в 60–70-е годы XIX века строго взыскивали с рабочих в их спорах с хозяевами, гораздо строже, чем с крестьян в их конфликтах с помещиками. Почти все воспоминания и множество газетных известий из залов суда сообщают о множестве дел, в которых мировые судьи подчеркивали, что к крестьянам нужно относиться с «равным уважением» в суде, и противостояли настойчивым и обычно нелепым протестам вовлеченных в дело дворян. Но что касается рабочих, то мировые судьи, если и не отказывали им в утверждении их прав и нередко противостояли работодателям, в случаях, когда доказательства были не совсем ясными, стремились встать на сторону работодателей. Казанский сапожник, например, был обвинен в нарушении ремесленного устава и помещен в арестантский дом на восемь дней за то, что он бросил работу, несмотря на его заявление, что он был уволен, и на то, что ему даже был возвращен паспорт его работодателем ¹⁶. В Казани имел место другой подобный случай. Серебряных дел мастер обвинил одного из своих рабочих в уходе с работы и нарушении тем самым ремесленного устава. Рабочий Степан Манник, оставивший работу с тем, чтобы работать на себя, утверждал, что многие другие рабочие делали то же самое, что он уже отучился девять лет и что начальник грубо с ним обращался. Хотя мастер Кивенков хотел только получить денежную компенсацию за потери, мировой судья обвинил Манника в нарушении ремесленного устава и приговорил его к двум неделям ареста и к возвращению 8 рублей и 83 копеек, которые он был должен мастеру ¹⁷. В споре между московским работодателем Бахтияровым и его рабочим Захаровым, молодым парнем, тот же свирепый судья В.А. Вердеревский отказался выслушивать смягчающие обстоятельства и одной, и другой стороны. Захаров не хотел больше работать на Бахтиярова. Он нашел другую работу, заработал 10 рублей, которые он был должен Бахтиярову по контракту, и хотел откупить

свой договор. Ответ Бахтиярова состоял в том, что он подал на Захарова в суд, с тем чтобы заставить его вернуться к нему на работу. Мировой судья настаивал на возвращении Захарова на работу и отработке 10 дней контракта, не принимая во внимание тот факт, что он уж откупил этот контракт.

Но примечательно, что ни в одном и этих случаев рабочие не приняли смиренно свою судьбу. Напротив, они продолжали бороться за то, что они считали своими правами, сопротивляясь требованиям работодателей и противодействию мировых судей. Кузнец, которого заставили работать дополнительный месяц, продолжал опротестовывать решение до тех пор, пока мировой судья не разрешил ему уйти¹⁸. Кучер, который вызвал раздраженную вспышку мирового судьи по поводу отсутствия книжки, – несмотря на то, что он был описан, как крестьянин, который «несмело подходил» к мировому судье, – настойчиво поправлял его ошибки относительно его дела и себя самого: «Позвольте мне, ваше благородие, осмелюсь вам заметить, – я у вас прежде не был и никогда о книжке вы нам ничего не говорили». Таким же сверхпредупредительным языком он продолжал настаивать на правильности своего поведения в этом случае («Если бы у меня была книжка, я бы принес ее с собой») и неправоте его работодателя¹⁹. Прачка, обвиненная в краже пяти рубашек у князя, который дал их ей для стирки, настаивала на том, что рубашки были украдены из ее прачечной, и была готова заплатить за них. Но она утверждала, что князь значительно переоценил стоимость рубашек и что поэтому она не собирается платить за них ту цену, которую он запрашивает. Перед лицом могущества князя и его адвоката она настаивала на том, чтобы суд вызвал независимого «эксперта», чтобы оценить рубашки. Когда судебный курьер не смог найти такового, она дала ему наводку, где искать. Когда оказалось, что эксперт не хочет говорить («Что мне мешаться в чужое дело!»), она продолжала настаивать на своем, пока не был найден разумный компромисс.

Необходимо иметь в виду, что даже при наличии дословных стенографических отчетов с процесса почти невозможно понять, что же действительно произошло в каждом данном случае. Обе стороны пытались представить себя в самом выгодном свете, и решения суда не всегда отражали рассмотренные дознания. Вопрос, таким образом, состоит в том, возможно ли обнаружить образцы поведения рабочего, которые бы выходили за рамки результатов конкретных дел.

Определенные образцы действительно имеют место. В частности, мы можем наблюдать повторяющиеся примеры настойчивости и прагматизма, что, казалось бы, содержит противоречие. Большинство рабочих обратилось с жалобами в суд из прагматического расчета на

то, что суд решит в их пользу. Мировые судьи были буквально завалены делами (трудовые споры составляли около 15 процентов) неграмотных и преследуемых истцов из низших классов. В большинстве дел эти люди ясно демонстрировали свое убеждение в том, что с ними нечестно обошлись, и веру (хотя некоторые были и менее доверчивы) в то, что суд их поддержит. Но в то же время многие дела возбуждались рабочими, у которых или не было оснований надеяться, что дело решится в их пользу, или которые сами были прямо виноваты в случившемся. В делах об обмане при найме, приводимых Ваничем, сотни рабочих подавали в мировой суд на работодателей, несмотря на очевидную тщетность подобного предприятия. Точно так же сезонные железнодорожные рабочие в Уфимской губернии, находясь в наихудших условиях и работая всего за 20 рублей в месяц, решили подать в суд на своего работодателя за невыполнение его обещания выслать плату домой их семьям, несмотря на прямую враждебность со стороны судьи и неспособность найти адвоката, который мог бы помочь им в этом деле²⁰. В некоторых из уже приведенных дел рабочие были виноваты в нарушении закона, но они настаивали на том, что их вынудили к этому обстоятельства. Степан Манник, серебряных дел мастер из Казани, который хотел работать на себя, сознательно нарушил ремесленный устав, ссылаясь на то, что уход с работы был обычной практикой и что мастер с ним плохо обращался²¹.

Все эти дела, будь они вызваны отчаянием или надеждой, имеют ряд общих черт. Они сводятся к тому, что истцы сознательно старались использовать публичность или, так сказать, театральность слушания дела и прилагали усилия, чтобы утвердить свое достоинство и право на уважение. Эти элементы лежат в основе всех обсуждавшихся здесь дел, но они наиболее очевидны в делах, связанных с грубым и недостойным обращением.

Споры по поводу условий и обращения

Один юноша-ученик из мастерской узнал, что бить учеников больше нельзя. Поэтому, когда мастер «оттаскал его» в очередной раз, он справил жалобу в мировой суд. В суде он не настаивал ни на формальных взысканиях, ни на тюремном заключении; он хотел только публичного извинения и двух рублей (чтобы тот извинился перед ним в камере же при народе и, кроме того, за обиду действием заплатил бы ему «две зеленых бумажки»)²². В подобных случаях мировые судьи единогласно поддерживали оскорбленных рабочих и использовали случай для того, чтобы наставить работодателей по поводу «порядочного поведения» и «культурного отношения между людьми».

«Бранить неприличными словами вы не смеее», – наставлял один мировой судья купца, который оскорбил своего слугу. «Это прислугу-то», – ответил недоверчиво тот²³. Во многих подобных случаях мировые судьи делали все, чтобы поддержать рабочих и высмеять или наставить на путь истинный привилегированных мучителей. Конечно, ответчики не были легкой мишенью. В только что приведенном случае известный купец соврал, обругал и оскорбил и мирового судью, и своего слугу, и свидетелей, и истца. Когда же после долгой дискуссии мировой судья предложил ему примирение вместо жесткого штрафа, купец отказался в самых грубых выражениях. Когда он в конце концов согласился на примирение и его слуга требовал только извинения за его оскорбительное поведение, он почти патетически ответил мировому судье: «Ваше высокородие. Возьмите лучше с меня штраф какой-нибудь. Я плачу за бесчестье» и «Не прикажите по крайности в газете описывать». И когда слуга отказался взять деньги, настаивая на публичном извинении, мировой судья явно выказал свое отвращение к поведению купца, увещевая его: «На вашем месте каждый порядочный человек давно бы извинился»²⁴. Незнакомый слуга держался с достоинством в ходе всего слушания.

Было также множество случаев, когда рабочие подавали в суд только для того, чтобы создать затруднения работодателю или продемонстрировать свое равенство перед судом или, как отметил один мировой судья, «доставить себе удовольствие на суде стоять рядом с высоким саванником... и объясняться с ним как равным себе гражданином»²⁵. В другом случае (он вошел в книгу анекдотов!) три петербургских ломовых извозчика вошли в суд со словами «Ваше благородие! Мы к вам!» На вопрос, что их привело в суд, они отвечали – так, будто причины были очевидны, – что сейчас им ничего не надо. В конце концов мировой судья понял, что они подрались, а потом помирились. Оказалось, что они считали, что мировой судья должен знать и зафиксировать, что они действовали в соответствии с законом и в согласии с целями новой судебной системы. Они искали публичного признания достижения этого примирения²⁶.

Даже в более эксцентричных случаях, когда рабочие должны были понять, что их собственное поведение было неправильным, их настойчивое желание направить жалобу и их манера поведения в суде наводили на мысль, что они были глубоко возмущены презрительным обращением. Один особенно интересный случай произошел позже описанных выше у русских рабочих Казани. Рабочий Петрунников подал жалобу на директора фабрики за оскорбление действием. Когда он попросил разрешения пойти домой с работы из-за плохого самочувствия, дирек-

тор не только его не отпустил, но еще и ударил его и обругал «срамными словами». Жалоба Петрунникова была написана в очень культурной форме, внушительно и убедительно. Но когда были приглашены свидетели – многие из них были его товарищи по работе, – они охарактеризовали его как закоренелого пьяницу, и утверждали, что он в нетрезвом состоянии вошел в кабинет директора и устно оскорбил своего начальника. В результате он проиграл это дело. Довольно долго этот случай казался мне непонятным. Зачем этому человеку понадобилось выносить дело на суд и лгать перед лицом десятков свидетелей? Возможно, он просто не понимал, что он делает, или ему доставлял удовольствие публичный спектакль. Несмотря на то, что заявления свидетелей звучали более убедительно, заявление сохраняло значительный элемент личного достоинства. Поэтому мне кажется, что дело было вынесено в суд потому, что Петрунников считал, что даже негодяи и пьяницы достойны человеческого обращения²⁷.

Случаи, подобные тем, о которых шла речь, постоянно появлялись в городских судах до тех пор, пока они не были закрыты в 1917–1918 гг. Но в XX в. к ним присоединились дела, которые представляли собой примеры более привычных трудовых жалоб. Например, в 1901 г. петербургские уличные метельщики, нанятые компанией, которая эксплуатировала конные трамваи на Невском проспекте, направили в суд жалобу по поводу увольнения за отказ работать во внеурочное время (компания заставляла их работать двадцать часов в день). Они выиграли это дело при помощи двух адвокатов из бюро правовой помощи²⁸. В 1905 г. рабочие победили в затеянном ими процессе против инженера фабрики за клевету на другого рабочего. Когда в феврале некто Стогов, член Комиссии Шидловского, был уволен за «политическую неблагонадежность», инженер сказал рабочим, которые пришли с протестом, что Стогов подделал паспорт и украл 10000 рублей. Инженер был приговорен к двум неделям ареста²⁹. В те же самые годы разные группы рабочих с успехом обращались в мировые суды для того, чтобы получить деньги, которые они потеряли в ходе забастовок³⁰. В каждом из этих случаев рабочими поднимался вопрос о достойном обращении и личной чести.

Следует иметь в виду, что мировые суды никогда не были главным Участком спора по поводу трудовых проблем. Тем не менее они оставались важной ареной, на которой рабочие могли бросить вызов своим работодателям. Даже в случае проигранных дел сам факт слушания шел на пользу в отстаивании и утверждении чести рабочих. По большей части те рабочие, которые обращались в мировые суды, не были фабричными рабочими. Они были скорее членами более мелких и бо-

лее аморфных маргинальных социальных групп: прислугой, ремесленными учениками, кучерами, строительными и железнодорожными рабочими. Хотя они и не поддаются простой социальной характеристике у них наличествует ряд других общих черт. Марк Штейнберг показал в какой степени чувство чести и собственного достоинства служили мотивацией для рабочей элиты наборщиков. Но хотя большинство тех кто обращался в суд с жалобами, принадлежали к необразованной малокультурной и пьющей массе рабочих, я считаю, что они в не меньшей степени были возмущены презрительным к себе отношением, и мотивом их действий было стремление добиться уважения к себе.

Тот факт, что обращения к представителям государственной власти для разрешения споров со стороны рабочих носили массовый характер, отнюдь не свидетельствует о том, что они были некими ничего не понимающими простофилями в их отношении к режиму или что они пытались поддерживать какое-то статус-кво. Их отношение к суду должно быть понято как прагматическая попытка использовать все доступные средства.

Вопреки господствовавшему среди членов современного им общества мнению, рабочие не только использовали суды, но и продемонстрировали, что они в состоянии разобраться в процессе судопроизводства, а в некоторых случаях даже пользоваться судом в своих собственных целях. Хотя их цели и не кажутся особо амбициозными в сравнении с целями радикального авангарда рабочего класса, они стали существенным компонентом в процессе возникновения гражданского общества. Их дела, как и миллионы других дел, которые выносились на обсуждение мировых судов неграмотными бедняками, показывают, что многие русские стремились к публичному выражению и публичному признанию права на уважение к своей личности и своей роли в публичной сфере. На мой взгляд, такие чувства не особенно противоречат радикальным принципам, и они, безусловно, сыграли свою роль в формировании того особого сознания, которое складывалось в среде русских рабочих.

¹ Исследование, необходимое для подготовки настоящего доклада, финансировалось IREX (совместно с U.S. Department of State и NEH), National Council for Soviet and Eastern European Research, а также Kennan Institute.

² Zelnik Reginald E. *On the Eve: Life Histories and Identities of Some Revolutionary Workers, 1870-1905. Making Workers Soviet*, ed. Siegelbaum L. and Suny R.G. Ithaca, NY, 1994; Wynn Charters. *Workers, Strikes and Pogroms*. Princeton, NJ, 1992; Neuberger J. *Hooliganism*. Berkeley, 1993.

³ Об основных характерных чертах мировых судов см.: Neuberger J. *Popular Legal Cultures: The St.Petersburg Mirovoi Sud. Russia's Great Reforms*,

1855–1881. Bloomington, IN, 1994; Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969.

⁴ См., например, запросы и комментарии от местных юридических и правительственных чиновников в Одессе, Воронеже и Киеве, которые призывают к более простой устной процедуре для облегчения коммерческой жизни и защиты городов от мелких жуликов, которые стремятся в торговые центры: «О введении в городе Одессе мировых учреждений одновременно с введением оных в столицах» // РГИА, ф. 1405, оп. 63, д. 4951 (1865); «По отношению Киевского, Подольского и Волынского Генерал-Губернатора о лучшем устройстве губернских и уездных гражданских управлений во вверенных его управлению губерниях» // РГИА, ф. 1405, оп. 57, д. 6310, ч.1 (1859); Письмо министру юстиции Воронежского губернского прокурора Шахматова от 4 декабря 1862 // РГИА, ф. 1405, оп. 60, д. 5966, л. 187–214. См. также: Wortman R. The Development of Russian Legal Culture. Chicago, 1976. P. 256–257.

⁵ Большинство современных историков писали об институтах, процессах реформ и реформаторах (Линкольн, Вортман, Кайзер, Зайончковский, Захарова, Виленский). Дореволюционные русские историки больше интересовались тем, кто обращался в новые суды, но они также писали главным образом об институтах и персонале в сельской обстановке (Джаншиев, Гессен, Чубинский). Также: Толстой Л.Н. «Воскресение» и Достоевский Ф.М. «Братья Карамазовы». За редким исключением (А.Ф. Кони, например) истории городских судов были описаны городскими юридическими практиками, а не профессиональными историками или юристами. Это были газетные статьи, ежегодные доклады и мемуары.

⁶ Мы также не можем определить статистически относительную важность различных видов дел, в которых были замешаны рабочие. Более того, сохранность архивных материалов с записями дел (из числа миллионов дел, заслушанных мировыми судами между 1864 и 1917) была часто связана с произвольной оценкой важности различных дел архивистами, которые в ходе периодических учетов могли избавляться от ряда материалов. По словам архивистов Московского РГИА и Казанского ГИАРТ, не прилагалось достаточных усилий для сохранения подобного рода архивных дел.

⁷ О подобной правовой практике в Одессе см.: Ванич. Сцены в мировом суде. Одесса, 1976. С. 46–52.

⁸ Майков П.М. Воспоминания. Петроградский мировой суд за пятьдесят лет. Пг., 1916. С. 1362–1366.

⁹ Ванич. Сцены в мировом суде. С. 52.

¹⁰ Нос А.Е. Мировой суд в Москве: Очерк разбирательства у мировых судей. Москва, 1869. С. 88–90.

¹¹ См.: Судебные Уставы. Т.2 (Устав гражданского судопроизводства), ст. 129; Т. 3 (Устав уголовного судопроизводства), ст. 119.

¹² Нос А.Е. Мировой суд в Москве... С. 125, а также 117, 118, 129.

¹³ Там же. С. 100.

-
- ¹⁴ Field D. *Rebels in the Time of Tsar*. Boston, 1989.
- ¹⁵ Нос А.Е. *Мировой суд в Москве...* С. 117.
- ¹⁶ Этот приговор был отменен после апелляции. ГИАРТ, ф. 70, оп. 1, д. 433, л. 17–18; о других примерах см.: там же, ф. 70, оп. 1, д. 126, 258, 295, 433, 473, 513, 547, 577, 598; ф. 75, оп. 1, д. 32.
- ¹⁷ Местная хроника: Нарушение ремесленного устава (Из камеры мирового судьи) // *Волжский вестник*. 1886. 16 декабря.
- ¹⁸ Нос А.Е. *Мировой суд в Москве...* С. 117.
- ¹⁹ Там же. С. 127.
- ²⁰ *Волжский вестник*. 1886. 24 сентября.
- ²¹ Местная хроника: Нарушение ремесленного устава // *Волжский вестник*. 1886. 16 декабря.
- ²² В камерах мировых судей // *Судебная газета*. 1893. №36.
- ²³ Избранные сцены из мировых судов в Петербурге и Москве. С. 4–6.
- ²⁴ Там же. С. 2.
- ²⁵ Майков П.М. *Указ. соч.* С. 1362.
- ²⁶ А.Ф. Наши извозчики в мировом суде: Смешная сцена с натуры. СПб., 1871. С. 15–16.
- ²⁷ По обвинению Бенарта Андреева Веселовского в оскорблении действием гражданина Петрунникова // ГИАРТ, ф. 70, оп. 1, д. 553 (1900), л. 1–18.
- ²⁸ В камере мировых судей: Иск метельщиков // *Петербургский листок*. 1901. 17 марта.
- ²⁹ В камерах мировых судей: Отклики рабочего вопроса // *Петербургский листок*. 1905. 31 мая; В камерах мировых судей: Отклики рабочего движения // *Петербургский листок*. 1905. 9 октября.
- ³⁰ Майков П.М. *Указ. соч.* С. 1126–1153; *Петербургский листок*. 1905. 21 мая; 1905. 31 мая.